

## Наши публикации

В ближайших номерах журнала «Москва» появится документальное повествование о великом русском певце Ф. И. Шаляпине. Автор Виктор Петелин использовал воспоминания, письма Шаляпина, его друзей и знакомых: художников, артистов, писателей.

«...Действующие лица моего повествования говорят не придуманные мною слова, а то, что они когда-то действительно произносили и писали», — рассказывает автор.

Сегодня мы предлагаем читателям «Вечерней Москвы» несколько фрагментов из этого произведения (печатаются с сокращениями).

Виктор ПЕТЕЛИН

## ВОСХОЖДЕНИЕ

1

Наконец-то Федор Шаляпин с легким сердцем сел в вагон третьего класса. Его не смущало, что вокруг много народу с мешками, чемоданами, детьми. К этому он уже привык за беспоконную гастрольную жизнь. А сейчас, когда полон был мечтами и замыслами, ему все было нипочем: впереди открывалась новая, неизведанная жизнь. Все тревоги и заботы будто остались позади, а рядом с ним — прекрасный товарищ Павлуша Агнiewicz, с которым они уже немало «соли съели». В кармане — рекомендательные письма к московским друзьям. Так что настроение у Федора было прелестным.

...Москва ошеломила провинциалов. Не успели Шаляпин и Агнiewicz спуститься со ступенек вагона, как оказались в таком людском водовороте, что Агнiewicz чуть было не потерялся в этой толпе, почему-то торопящейся в двух различных направлениях. Он бы и потерялся, если бы не видел впереди высокую фигуру Федора Шаляпина: с высоко поднятой головой он гордо прокладывал путь к пролеткам извозчиков. Пусть домчат их, провинциальных актеров, которые приехали покорять столицу, до меблированных комнат какой-нибудь купчихи.

Шаляпин жадно смотрел по сторонам. Москва тогда почти ничем не отличалась от обычного губернского города. Только-только начинали строить большие дома. По всему пути им встречались обычные двух- и трехэтажные дома, но такой прекрасной архитектуры, что невольно глаза разбегались. Вот промчались они мимо особняка, величественно возвышавшегося над низкими постройками. Шаляпин наклонился к извозчику, который пояснял ему:

— Этот дом, милоч, графа Бобринского. Он недавно женился на артистке Яворской какой-то. Кажется, так...

2

— Дед, а ты знаешь, кого везешь-то? Ведь мы тоже артисты... Извозчик даже повернулся от изумления:

— Ты, милоч, брось. Артисты не такие щуплые да молодые. Артисты — во какие должны быть! — И дед показал руками, какими должны быть, по его мнению, артисты: большими и толстыми, важными и степенными.

...Шаляпин не стал даже осматривать комнату, какую им предложили. Бросил свои вещи и побежал к Большому театру. Не терпелось увидеть здание, где пели знаменитые на всю страну певцы и танцевали знаменитые балерины.

Весело шагая по оживленной Москве, только недавно освободившейся от снега и радующейся теплему солнцу, Шаляпин победно поглядывал по сторонам. Заговаривал с прохожими, расспрашивал их, как пройти к Большому театру, шутил с милыми девочками. И вдруг перед ним словно выросло чудо: он хорошо знал здание театра по фотографиям. Чудное творение неопишуемой красоты. Мощные колонны, четверка лошадей на фронте — все это произвело большое впечатление на юного артиста.

Шаляпин обошел здание вокруг, посмотрел афиши, в которых сообщалось, что Большой театр дает последние спектакли перед длительными летними каникулами. Все мечты его сами по себе связывались с этим зданием. Что ждет впереди? Он понимал, что предстоит еще много потрудиться, чтобы попасть в Большой театр... А вот и Малый театр... Сколько великих артистов здесь! И прежде всего Ермолова...

Шаляпин пошел по Охотному ряду, свернул на Тверскую. Все куда-то неторопливо шло, степенно раскланиваясь со знакомыми. И ему казалось, что только у него одного здесь никого нет. А уж так трудно быть одному. «Почему одному? А рекомендательные пись-

3

ма? — спохватился Федор, нащупывая их в карманах — Нет, не пропадут...

Вернулся Федор, полный впечатлений, дум и неуверенности. Павел ждал его. Самовар, не раз уже подогретый по указанию хозяйки, снова успел остыть. Долго они обсуждали свое положение. Долго не могли заснуть, каждый думал о своем. С волнением ожидая завтрашнего дня, неуверенные в себе, Агнiewicz и Шаляпин пытались скрыть волнение за веселыми историями, которые они стали вспоминать из своей жизни и жизни знакомых.

На следующий день рано утром Федор побежал на Большую Дмитровку, где помещалась контора императорских театров. Дальше приемной его не пропустили сторожа, важно сидевшие в передней. Орлы на позументах, роскошные бороды, величавость в походке — все свидетельствовало о незаменности этих особ. Видя растерянность молодого провинциала, один из них, вероятно главный, подошел к нему и спросил, что ему нужно. Шаляпин поддал кратко приготовленное письмо Усатова «господину Пчелникову»:

— Мне нужно повидать господина директора...

Сторож, лениво повертев письмо в толстых руках, важно стал расспрашивать оробевшего Шаляпина — ему и в голову не приходило, что придется отчитываться перед сторожем.

— Это от какого Усатова? Кто он такой?

— Неужто вы не слышали знаменитого артиста императорских театров Дмитрия Андреевича Усатова? Почти десять лет он пел в Большом театре главные роли во всех теноровых партиях...

— Ну ладно... Подождите! Шаляпин присел на скамью и стал

4

ждать. Мимо пробегали какие-то суетливые чиновники с бумагами в руках и перьями за ушами. То и дело хлопала наружная дверь. Приходили такие же суетливые чиновники, поднимали крышку скамьи, доставали из глубины ящика сапожные тряпки, торопливо обмывали свои и без того блестящие сапоги или ботинки и важно проходили туда, куда понес письмо сторож.

Сторож давно уже вернулся и словно застыл на своем месте.

«Ох, и скучно же ему, должно быть», — раздраженно думал Федор.

Часа через два Шаляпин встал, подошел к сторожу и напомнил ему о себе. Тот поглядел на него, как будто видел в первый раз.

...Что же делать-то? Снова наниматься в какую-нибудь случайную гастрольную труппу и гнать по спектаклю в день? Снова готовить партии в спешке, без серьезных репетиций? Ах, как нескладно все начинается... Только забрезжила новая радостная жизнь — и вот опять горькие разочарования, даже письмо Усатова не помогло, вновь он представлен самому себе, как и пять лет тому назад. Как будто и не было успешных выступлений в Тифлисской опере.

Так размышлял Шаляпин, когда вернулся в меблирашки, где ждал его Павлуша Агнiewicz. Павел сразу все понял, как только увидел Федора.

— Ну что, не приняли?

— Даже слушать не стали... Сезон закончен, сказали, приходите великим постом. Снова будет свободное прослушивание всех желающих.

— А я, ты знаешь, случайно набрел на объявление. Иду по Тверской и на углу Георгиевского переулка вижу рекламу: «Первое театральное агентство для России и заграницы». Я за-

5

шел туда, расспросил. Оказывается, тут же прослушивают и определяют, подходишь ты или нет для их целей.

— Ты уже прослушивался?

— Да нет, конечно. Я ж ничего не взял с собой. А нужны афиши, фотографии... Если писали о тебе, то и вырезки из газет, журналов... Словом, все, что у тебя есть.

— Завтра и пойдем.

Так они и сделали. Собрав все афиши, фотографии, вырезки из газет, которые он бережно хранил на дне чемодана, Шаляпин вместе с неизменным Павлушей отправился в театральное агентство.

...Приняла Шаляпина и Агнiewiczа сама госпожа Рассохина.

— Я спою сейчас «Два гренадера», — сказал он. Рассохина отыскала ноты, посмотрела и тут же начала наигрывать как бы для себя. Шаляпин откашлялся, хотя в этом не было нужды, встал рядом с роялем, как бы давая понять, что он готов.

Она кивнула, проиграла вступление, и в комнате раздался мощный голос молодого певца.

Никогда она еще не слышала такого прекрасного тембра, такой естественности в звуках, которые лились как бы сами по себе, без всяких усилий со стороны исполнителя. А Шаляпин уже не обращал внимания на окружающих, увлеченный исполнением любимой песни. Свободно, широко лилась она.

— Достаточно, — удовлетворенно сказала Елизавета Николаевна. — Отлично! Мы найдем вам театр!

Павел Агнiewicz тоже был обласкан этой удивительно симпатичной женщиной.

Начались ожидания. Первое время не так было тошно, оставались кое-какие деньги, но вскоре и они кончились: как-никак обедали в трактире

6

каждый день за пятьдесят копеек. Больше месяца прошло в беспокойном ожидании. Наконец в начале июля пришла повестка от Рассохинной. Федор немедленно побежал в бюро, захватив ноты любимых партий.

В зале, куда Шаляпин уже не раз заходил, кроме Рассохинной и ее помощников, важно сидел огромный дедина с пышной бородой. Красивое смуглое лицо, шапка черных с проседью кудрей, большие черные пронизывающие глаза. Федор Иванович сразу почувствовал в нем темпераментного, напористого, смелого человека. На широкой груди его висели многочисленные брелоки, на животе — толстая золотая цепь от часов. «Фунта три, не меньше, брелоков-то, — неожиданно для себя подумал Шаляпин. — Вот это настоящий московский антрепренер, с таким не пропадешь». Стилизованная рубашка и лакированные сапоги «бутылками» дополняли портрет незнакомца.

— Лентовский, — сказали Шаляпину.

Федор Иванович вздрогнул. Всего ожидал он, но только не этой встречи со знаменитым антрепренером. За дни московского безделья каких только разговоров он не слышался о фантастических пышных представлениях под руководством Лентовского. О нем ходили легенды. Блестящий организатор и выдумщик всевозможных празднеств, гуляний, народных спектаклей... И вот теперь от него будет зависеть судьба провинциального актера Федора Шаляпина.

С первыми аккордами Федор Иванович почувствовал привычное волнение, собрался от внутреннего жара, вдруг пахнувшего в самое сердце, и голос его мощно зазвучал.